

DOI 10.15826/izv2.2018.20.3.058

УДК 72.035.9 + 72.036 + 39(=19) + 008

О. В. Баева

*Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»
Научно-исследовательский институт теории
и истории архитектуры и градостроительства
Москва, Россия*

А. М. Иванова-Ильичева

*Академия архитектуры и искусств
Южного федерального университета
Ростов-на-Дону, Россия*

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРНОГО ОБРАЗА НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ (КОНЕЦ XVIII — НАЧАЛО XX в.)

Архитектурный образ Нахичевани-на-Дону на протяжении всего изучаемого периода (конец XVIII — начало XX в.) формировался под влиянием идей и норм русской архитектуры Нового времени, выработанных в первую очередь Санкт-Петербургской архитектурной школой. Неудивительно, что столичная архитектура оказывала влияние на формы и стилистику архитектуры малых городов. О роли Петербурга в формировании архитектурных образов провинциальных русских городов написано немало научных работ. Однако в исследованиях, посвященных Нахичевани-на-Дону, эта роль оставалась практически незамеченной. Проведение подобного исследования представляется особо интересным в связи с тем, что Нахичевань-на-Дону не являлась собственно русским городом, а основана в 1779 г. армянами, переселенными из Крыма в пределы Российской империи.

Анализ культурно-исторического контекста формирования архитектуры Нахичевани-на-Дону предпринят с целью выявления культурного дуализма, нашедшего отражение в архитектуре города и проявившегося, с одной стороны, в интеграции донских армян в русское культурное пространство, а с другой стороны — в их стремлении к национальной консолидации. В статье на примерах показано обращение армян к архитектуре Санкт-Петербурга и одновременные поиски национального стиля.

© Баева О. В., Иванова-Ильичева А. М., 2018

Данная работа основана на комплексном изучении архивных материалов, исторических свидетельств современников и натурных историко-архитектурных обследованиях памятников. Ведущими методами исследования стали сравнительный, историко-генетический и стилистический анализы архитектуры Нахичевани-на-Дону. Авторы применяли системный подход, позволяющий учитывать различные аспекты культуры донских армян, и изучать архитектуру города в контексте его культурной среды в целом.

Ключевые слова: архитектура Нахичевани-на-Дону; архитектура Нового времени; архитектура донских армян; культурно-исторический контекст.

Цитирование: Баева О. В., Иванова-Ильичева А. М. Культурно-исторический контекст формирования архитектурного образа Нахичевани-на-Дону (конец XVIII — начало XX вв.) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2018. Т. 20. № 3 (178). С. 228–243.

Поступила в редакцию 27.02.2018

Принята к печати 21.06.2018

Olga V. Baeva

*Research Institute of Theory and History
of Architecture and Town Planning —*

*Branch of the “CNIIP of the Ministry of Construction of Russia”
Moscow, Russia*

Anna M. Ivanova-Ilyicheva

*Academy of Architecture and Arts
of Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia*

THE CULTURAL AND HISTORICAL CONTEXT BEHIND THE FORMATION OF THE ARCHITECTURAL IMAGE OF NAKHICHEVAN-ON-DON (LATE 18th — EARLY 20th CENTURIES)

This article focuses on the study of influence of Russian architecture of the Modern Age developed mostly under the influence of the St Petersburg architectural school on the artistic and spatial organisation of Nakhichevan-on-Don. It is not surprising that the architecture of the capital had a considerable influence on the forms and style of architecture of provincial cities. There are many scholarly works on the role of St Petersburg in the formation of the architectural image of provincial Russian cities. However, the role of the architecture of the capital of the Russian Empire remained virtually unnoticed in research devoted to Nakhichevan-on-Don. Hence, it is particularly interesting to examine the city's architecture as Nakhichevan-on-Don was not a Russian city but one founded in 1779 by the Armenians who moved from Crimea to the Russian Empire.

The analysis of the cultural and historical context of the formation of Nakhichevan-on-Don's architecture aims to reveal the cultural dualism reflected in the architecture of the city and manifesting itself in the integration of the Don Armenians into

the Russian cultural space on the one hand, and in their desire for national consolidation on the other hand.

The work is based on a comprehensive study of archival materials, historical evidence of contemporaries, and on-site historical and architectural surveys of monuments. The leading methods of the research are comparative analysis, historical-genetic analysis, and stylistic analysis of the architecture of Nakhichevan-on-Don. The authors use a system approach which allows them to consider various aspects of the culture of the Don Armenians and study the architecture of the city in the context of its cultural environment as a whole.

Key words: architecture of Nakhichevan-on-Don; architecture of the Modern Age; architecture of the Don Armenians; cultural-historical context.

Citation: Baeva, O. V., & Ivanova-Ilyicheva, A. M. (2018). Kul'turno-istoricheskij kontekst formirovaniia arhitekturnogo obraza Nahichevani-na-Donu (konets XVIII — nachalo XX v.) [The Cultural and Historical Context behind the Formation of the Architectural Image of Nakhichevan-on-Don (Late 18th — Early 20th Centuries)]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 20, 3 (178), 228–243.

Submitted on 27 February, 2018

Accepted on 21 June, 2018

Контекстуальность архитектуры, ее тесная взаимосвязь с социальными и природными факторами привлекают внимание исследователей и остаются актуальной проблемой современной науки. Важность и значимость, а в некоторых случаях и первостепенность контекста по отношению к архитектурному концепту вызывают интерес представителей различных дисциплин. Высокая степень символичности архитектуры и «полиглолизм» [Лотман, с. 44] архитектурного контекста порождают мощные информационные потоки, без осмысления которых невозможно понять как саму историю архитектуры, так и общекультурные тенденции того или иного исторического периода.

Пространственная организация города, здания, архитектурно-декоративные элементы несут символическую нагрузку, отражая разнонаправленные диалоги, с одной стороны, внутренний – между прошлым, настоящим и будущим культуры, а с другой стороны, внешний – между различными культурными традициями. В этом смысле исследование архитектуры Нахичевани-на-Дону – города, основанного в 1779 г. на Нижнем Дону, – в контексте осмысления историко-культурных особенностей его создания становится весьма интересной научной проблемой, так как Нахичевань не являлась собственно русским городом и была построена армянами, переселенными из Крыма в пределы Российской империи. Архитектура города стала свидетельством сложных социально-исторических процессов. Она зафиксировала мощный информационный поток, исходящий от русской культуры, и отразила национальную специфику города. Немаловажным является и то обстоятельство, что анализ архитектурного текста Нахичевани позволяет проследить трансформации этнического самосознания донских армян и выявить степень их интеграции в русское культурное пространство.

Архитектурный образ Нахичевани-на-Дону формировался под влиянием идей и норм русской архитектуры Нового времени, выработанных в первую очередь Санкт-Петербургской архитектурной школой. Поэтому неудивительно, что донские армяне восприняли «петербургскую идею» русской истории и трансформировали ее в соответствии со своими мировоззренческими установками.

О влиянии архитектуры Петербурга на градостроительную политику Российского государства и на формирование архитектурных образов провинциальных городов написано немало научных работ [Архитектура в истории русской культуры]. Однако в исследованиях, посвященных Нахичевани-на-Дону, роль архитектуры российской столицы обозначалась лишь мимоходом, как что-то очевидное и непременно наличествующее в пространственной организации провинциального города империи.

Для настоящего исследования интерес представляют не столько сами архитектурные заимствования провинциального города у столицы, что было и остается довольно обычным явлением, а заимствования духовные, идейные, предваряющие материально-символические. Идея Санкт-Петербурга как города-государства, особенности его истории и пространственной организации, образа жизни и символичности взяты за основу нахичеванцами для воплощения в архитектурной реальности своего города. Именно первичностью духовных идей и вторичностью заимствования материальной реальности столицы объясняется появление на Донской земле города с обликом, с одной стороны, типично русским, а с другой — города армянского, стремившегося к сохранению этнического сознания и трансляции вовне национальных ценностей.

Переселение армян на Крымский полуостров в эпоху Средневековья проходило волнами, самые крупные из которых приходились на периоды воинственных вторжений на территорию Армении. К XVIII в. крымская история армян насчитывала уже несколько столетий. Они обосновывались как в крупных торговых городах, так и в селах. Как правило, крымские города были полиэтническими, в них жили греки, итальянцы, караимы, турки, татары и представители других народов. Длительные и тесные контакты с представителями других народов, населявших полуостров, привели к формированию крымской субэтнической группы армян, имевшей некоторые языковые и культурные особенности. Вместе с тем, они не утратили своей этнической составляющей, сохраняли черты национальной культуры.

Переселение на территорию Российской империи, организованное по воле Екатерины II, армяне воспринимали как насильственное, утверждая, что их заставили покинуть прекрасные земли. Так, один из участников переселения записал в своем дневнике: «нас вывели обманом из наших городов, дома, имущества, сады и виноградники оставили все...» [Шахазиз, с. 46]. Само переселение, плохо организованное, обернулось лишениями и высокой смертностью. Армянский историк пишет, что со вступлением армян в пределы России «они путешествовали: под дождем, подвергались и холоду, и жестоким ветрам, вынуждены были ночевать под открытым небом... особенно плачевно было положение детей,

женщин, стариков, больных и немощных... они умирают сотнями, покрывая своими убогими могильными холмами эту обширную, однообразную, нудную, пыльную равнину...» [Шахазиз, с. 48].

К тому же, территория, отведенная Екатериной II для Нахичевани и окрестных селений, была «совершенно безлюдна и пустынна» [Там же, с. 47]: отсутствовали какие-либо постройки, за исключением небольшого, в несколько кварталов, поселения Полуденка и соседней русской крепости св. Дмитрия Ростовского. Здесь, на землях Нижнего Дона, армяне основали город Нахичеван (Нахичевань-на-Дону; с 1928 г. — часть Пролетарского района г. Ростова-на-Дону) и на северо-западе от него села Чалтырь, Крым (Топты), Султан Сала (Малые Салы), Мец Сала (Большие Салы), Несвитай.

Еще продолжительное время они воспринимали новые земли враждебно, некоторые с семьями пытались бежать в Крым, однако были возвращены обратно, так как переселение запрещалось. Воспоминания о прежнем «красивом и благоустроенном месте», усугубившиеся «печальными обстоятельствами переселения» и «обманутыми надеждами» [Там же], вылились в некую коллективную тоску. Приверженность крымскому прошлому на новой земле отразилась в переносе крымских названий на донские поселения и церкви, находила проявления в стремлении сохранить этническую замкнутость, в специфике праздничной и бытовой культур. Появилась даже фольклорная традиция обращения к божьей коровке: «Божья коровка, покажи дорогу в Крым».

Описанные обстоятельства переселения армян из Крыма на Дон уже приводят нас к аналогии: некоторые характеристики, даваемые Санкт-Петербургу в культурологической литературе, вполне могут быть применены и к Нахичевани-на-Дону. Наиболее выразительно и точно в интересующем нас контексте написал о бывшей столице В. Н. Топоров: «Петербург — центр зла и преступления, где страдание превысило меру и необратимо отложилось в народном сознании; Петербург — бездна, “иное” царство, смерть, но Петербург и то место, где национальное самосознание и самопознание достигло того предела, за которым открываются новые горизонты жизни...» [Топоров, с. 4].

Именно так и воспринимали новое место жительства армяне. Их отношение к городу с течением времени менялось — от представления о пустынном, неприветливом месте в «ином царстве» до осознания его как некоего центра армян, места, где возможно процветать и сохранять национальное самосознание.

С точки зрения создания города, наделенного новыми смыслами и упорядоченными структурами, трудности переселения могли со временем рассматриваться уже как некая необходимость. Разрушение всего старого является непременным условием для создания нового, лучшего, упорядоченного. Первоначальное неприятие нового места связано и с тем, что город возник почти на пустом месте, и был лишен истории, но, как известно, город без истории существовать не может: «город, созданный “вдруг”, мановением руки демиурга, не имеющий истории и подчиненный единому плану, в принципе не реализуем», — пишет Ю. Лотман о Санкт-Петербурге. По его мнению, отсутствие

истории вызвало рост мифологии, которая восполняла семиотическую пустоту [Лотман, с. 36]. Добавим, что даже мысль о строительстве Петербурга на пустом месте – поэтизированный миф, и некоторые проспекты единого плана пролегали при Петре по улицам бывших там шведских поселений.

Потребовалось некоторое время, чтобы Нахичевань, так же созданная «вдруг» по единому регулярному плану, смогла «обрасти» семиотическими смыслами и историей. Первое время этому способствовали привезенные из Крыма святыни: хачкары, мощи святых, различная церковная утварь и даже церковные двери, названия поселений и церквей, копировавшие крымские. Всё это связывало с прошлым. В то же время, практически одновременно с основанием города, началось строительство собора и приходских церквей в стиле русского классицизма. Они стали семиотическим выражением настоящего и будущего армянской колонии.

Нахичевань изначально планировалась и создавалась российскими властями как город торгово-ремесленный, что нашло отражение в торгово-культурной функции главной площади, четко спроектированной сети дорог, связывающих город с армянскими селами и важнейшими городскими образованиями региона. Торговые ряды, располагавшиеся согласно генеральному плану по периметру главной площади, были возведены сразу же после основания города. В них обосновались продавцы кожи и тканей, портные и т. д. Специальный ряд лавок отводился для ювелиров, жестянщиков, литейщиков, кузнецов, ткачей, каменщиков, часовых мастеров и т. д. [Нигохосов, с. 17].

Такая функциональная направленность города, окруженного военнокрепостными поселениями, вполне оправдана. Город был удачно расположен, через него проходили водные и сухопутные торговые пути. Кроме того, торговля и ремесло являлись основными занятиями армян еще на территории Крыма, выходцы из крупнейших торговых городов полуострова имели налаженные торговые связи со странами как Востока, так и Запада. Согласно воспоминаниям современников, побывавших в городе на рубеже XVIII–XIX вв., Нахичевань напоминала шумный торговый восточный город. Так, Гомер де Голль в середине XIX в. отмечал: «стоит армянский белокаменный город Нахичевань, и удивленный путешественник находит для себя Восток с огромными базарами... со своеобразной архитектурой домов... когда мы увидели желтые тапочки женщин, которыми они с неподражаемой беззаботностью шаркали при ходьбе, восточную одежду... создавалось впечатление, что мы действительно попали в один из торговых районов Константинополя» [цит. по: Малхасян, с. 89]. А. Н. Демидов в 1837 г. записал, что нахичеванцы «отличаются... ловкостью в торговле... они содержат постоянные торговые отношения со своими соотечественниками, живущими в Астрахани, Лейпциге и Малой Азии... овладели почти всею торговлею Донского бассейна... не преминули скупить все вино, доставляемое донскими виноградниками... многочисленные магазины этого небольшого города наполнены прекрасными шелковыми тканями и разными восточными... товарами» [цит. по: Там же, с. 34–35].

Нахичевань, создававшаяся как центр экономической жизни на Нижнем Дону, вместе с тем имела и немаловажные для армян административные функции. Согласно Указу Екатерины II, армянская колония Дона управлялась своим духовным судом и магистратом. Однако магистрат, состоявший из полицейского, судебного и городского отделений (думы), постепенно терял свои права. Сначала армяне лишились своего особого полицейского управления, затем армянского суда и автономного управления в целом. Э. Шахазиз, историк Нахичеванина-Дону и фактически современник этих событий, записал: «...лишение привилегий, которыми с самого начала пользовались переселенцы, вообще сильно подействовало на них и они прибегли к различным средствам, чтобы сохранить свои высочайше дарованные им права...» [Шахазиз, с. 155]. Замечание это представляется весьма существенным для понимания смысла дальнейшей истории города. Тем более что параллельно с утратой административной автономии происходит и размывание моноэтничности города. В этих условиях оказывается под угрозой сама идея города – армянского центра, способствующего сохранению этнического самосознания. Именно на 1860–1870-е гг., ставшие периодом окончательной утраты остатков автономии, приходится два важных исторических события: нахичеванцы начинают претендовать на роль духовно-религиозного центра всех армян России и отказываются от строительства железнодорожной станции на территории своего города. Представляется необходимым рассмотреть данные исторические события более детально.

Обращение к Армянской апостольской церкви в условиях отсутствия государственности стало для армян способом сохранения этнической составляющей, помогало пережить угрозу распада в трудные периоды их истории. Данный механизм самосохранения уже неоднократно отмечался исследователями: «Приспособление христианства к национальным устоям, синонимизация понятий “армянин” и “христианин” помогли армянскому народу в полной мере задействовать механизм национальной генетической памяти... осознавая, что лишь таким путем можно сохранить национальную самобытность армянского народа» [Мелик-Шахназарян, с. 45].

Для нахичеванцев стремление к духовному лидерству оказалось удачным. В 1830 г. была создана Бессарабская и Ново-Нахичеванская епархия, в которой в 1862 г. появилось Ново-Нахичеванское викариатство, а в 1895 г. кафедра епархии была перенесена в Нахичевань, где находилась до 1917 г. Даже существующая сегодня в России епархия, являющаяся самым крупным образованием Армянской апостольской церкви, носит название Ново-Нахичеванской и Российской.

В город часто приезжали высокопоставленные армянские церковные иерархи, что возвышало его в глазах представителей диаспоры, воспринимавших Нахичевань как некий общеармянский центр. Так, например, в газете «Приазовский край» помещена заметка о том, что в 1895 г. в городе продолжительное время пребывал католикос всех армян, которого посетили здесь делегации от армянских обществ разных городов и частные лица, в том числе

И. Айвазовский, преподнесший в дар Эчмиадзину и Нахичевани-на-Дону свои произведения [1895 год в жизни Нахичевани, с. 2].

Другое ключевое, на наш взгляд, событие истории новонахичеванских армян – отказ от строительства железнодорожного вокзала на территории города. В 1873 г. городская дума отклонила предложение о строительстве моста через р. Дон и железнодорожной станции, так как имелись опасения, что это еще больше увеличит приток неармянского элемента и приведет к ассимиляции [Малхасян]. В итоге железнодорожный вокзал был построен в соседнем городе Ростове-на-Дону, быстро превратившемся в крупный экономический центр, а Нахичевань, утратившая свои былые торговые и ремесленные позиции, стала заштатным провинциальным городом и экономическим придатком Ростова, тогда как еще в 1840-е гг. путешественник замечал: «Мы заезжали в Нахичевань... Сей город знатнее расположен и богаче Ростова» [Сватиков, с. 8].

Большинство исследователей истории Нахичевани-на-Дону отмечают, что 60-е гг. XIX в. стали временем перемен, когда большой и богатый город начинает превращаться в тихий городок, в экономическом отношении тяготеющий к стремительно развивающемуся соседу – Ростову-на-Дону. Объяснения этого предлагаются, как правило, экономические: правительственная поддержка Ростова и учреждение там таможни, выгодное географическое положение последнего, отказ властей учредить ярмарочную торговлю в Нахичевани, и т. д. [Нигохосов]. Безусловно, мы согласны с большинством вышеперечисленных обстоятельств, имевших место и оказавших влияние на историю армянской колонии Дона. Вместе с тем, на наш взгляд, корень причин такой исторической судьбы города надо искать в глубинных, возможно, не всегда осознаваемых и самими нахичеванцами причинах.

Исследователи не проводили параллели между утратой Нахичеванью административной автономии и экономическим регрессом города. Между тем, события следуют одно за другим, представляя, хоть и не очевидную, причинно-следственную связь: утрата административной автономии — экономический спад. Переживания об утрате автономного правления, совпавшие по времени со становлением общеармянской национальной идеи, предопределили стремление нахичеванцев сохранять и транслировать вовне этнические ценности. Отголоски этого мощного информационного потока находим даже у современных авторов — уроженцев Нахичевани. Например, А. Г. Малхасян замечает: «Среди армянского народа авторитет Нахичевана настолько был велик, что в начале XIX в. Лазаревский институт хотели открывать не в Москве, а в Нахичеване. Донская армянская колония была хранительницей армянского языка, культуры, традиций, обычаев» [Малхасян, с. 85]. Такое самосознание нахичеванцев зачастую воспринималось сторонними наблюдателями как искусственно сконструированное, не имеющее оснований. В газетной заметке начала XX в. автор с некой враждебностью называет Нахичевань «маленькой армянской республикой среди сплошного моря русского населения» [Смирнов, с. 66], т. е. город уже не воспринимается частью иной культуры, а скорее выглядит в глазах

современников городом, чье самостоятельное существование поддерживается искусственно. Все чаще высказываются требования объединить Нахичевань с соседним городом Ростовом.

Попробуем объяснить описанные процессы через семиотику города и обратимся к мнению Ю. Лотмана, который писал о Санкт-Петербурге, что изначально ему была уготована противоречивая роль. Он должен был стать и торговым городом-портом, и военной столицей, и «резиденцией – государственным центром страны, и даже... Новым Римом с вытекающими отсюда имперскими притязаниями» [Лотман, с. 44]. Как показано выше, подобными противоречивыми функциями наделялась и Нахичевань. Конечно, провинциальному городу претендовать на имперскую роль не приходилось, но только в масштабах общероссийских, а для армян России он вполне мог стать таким центром, во всяком случае – претендовать на эту роль. Кроме того, городу изначально была уготована роль торгово-экономического центра на Юге России, что уже со всей очевидностью запечатлено в истории его основания. «Однако, — пишет далее Ю. Лотман о Санкт-Петербурге, — все эти пласты практических и символических функций противоречили друг другу и часто были несовместимы... Семиотический полиглотизм — закон для города такого типа» [Лотман, с. 45]. Идеальный регулярный город чиновничий требует одноплановости, строгой выдержанности и всякое нарушение таковых могло восприниматься как «опасное нарушение порядка». Город портово-торговый всегда тяготеет, по мысли исследователя, к некой неправильности и противоречивости художественного текста, а город «табельный» (чиновный) — к нормативной правильности метаязыка. Борьба двух начал Петербурга наполнила всю его историю. Имея огромный культурный потенциал, он приобретал сложную топокультурную структуру, стал почвой для интенсивной интеллектуальной жизни, национальным завоеванием духовной жизни России и уникальным явлением в мировой цивилизации.

Нахичевань-на-Дону, не имевшая такого серьезного культурного потенциала, а главное — подсознательно старавшаяся избежать растворения в чужом этническом поле, вынуждена была выбирать между разными ролями. Как указывалось ранее, знаковым проявлением такого выбора стал отказ от проведения железной дороги. Но внимательному наблюдателю очевидны и другие проявления, о которых речь пойдет ниже.

Примечательно, что сами нахичеванцы уловили символическую схожесть своего города с Санкт-Петербургом, хотя, насколько нам известно, прямо эти параллели ими никогда не проводились. Источником такой информации становятся для нас наименования улиц, городская архитектура и художественная культура донских армян в целом, где совмещались национальные коды и апелляция к имперской столице, к русской культуре в ее европеизированном варианте.

Нахичевань-на-Дону сразу строилась по градостроительному плану, утвержденному уже к 1781 г. Армянам предлагалось возвести регулярный город, спроектированный по всем правилам русского градостроительного искусства последней четверти XVIII в., что, конечно, существенно отличало его

пространственную организацию от их крымских поселений с искривленными улочками, характерными для Средневековья. Первый план Нахичевани заложил основы дальнейшего градостроительного развития города и все последующие планы поддерживали преемственность, тем более что территория города существенно не увеличивалась, так как изначально он проектировался с большим запасом и еще в конце XIX в. здесь имелись незаселенные кварталы.

Согласно плану, город делился на прямоугольные кварталы улицами, пересекающимися под прямым углом. В его центре располагалась большая площадь с городским собором Григория Просветителя. Приходские церкви, расположенные симметрично от собора, объединяли кварталы в городские районы. Строительство жилых домов велось по образцовым проектам, которые, как известно, допускали свободу во внутренней планировке. Именно в ней и проявились, в первую очередь, особенности жилища донских армян.

В целом, Нахичевань уже в первой половине XIX в. своим архитектурным обликом походила на другие города Юга России. Дома выносились на красную линию. К середине XIX в. застройка Нахичевани включала множество примеров реализации проектов зданий, составленных в Таганрогском строительном комитете в соответствии с образцовыми фасадами [Пощешковская, с. 161]. Исследователи архитектуры характеризуют город как классицистический не только благодаря его регулярной планировочной системе, но и во многом потому, что подавляющее большинство его доминантных построек были выполнены в стиле классицизма или тяготели к нему. Шесть возведенных городских церквей, включая и собор, были построены в стиле русского классицизма. Здание армянского магистрата, расположенное в центральной части города, также было классицистическим. Очевидно, что выбор в пользу данного стиля был сделан не армянами, а представителями российской власти. В это время классицизм был господствующим стилем в империи и активно продвигался в провинцию через образцовые проекты.

Однако, как отмечалось выше, сторонним наблюдателям город представлялся армянским или восточным и торговым. Такой образ Нахичевани, очевидно, имел семиотические основания, транслируя однозначную информацию для наблюдателя извне. Во второй половине XIX в. с изменением самосознания города меняется и его восприятие сторонними наблюдателями. Современники теперь стали отмечать ухоженность города, его регулярность и правильность архитектуры. Донской писатель А. М. Греков в конце XIX в. отмечал: «На редкость встретить теперь провинциальный город, где бы городское хозяйство так умело, искусно и энергично велось, как в этом, забытом всеми и никого не интересующем, по-видимому, Нахичеване. ...Нахичевань положительно чудеса творит, и каждый раз, как мне приходится проездом навещать этот город, мне кажется, что... его казна не сегодня-завтра объявит себя банкротом; не тут-то было: казна цела, а город не по дням, а по часам украшается, строится» [Греков, с. 45].

Конечно, обращение к идее Санкт-Петербурга могло иметь место только в случае интеграции армян в русское культурное пространство. Несмотря

на сохранение языкового и культурного своеобразия, они активно вливались в социокультурную среду Российской империи, что со всей отчетливостью проявляется уже к последней трети XIX в. Многие предприниматели переселялись в соседний Ростов и открывали там свои предприятия. Армяне – выходцы из Нахичевани стремились получить образование в столичных учебных заведениях. Именно в этот период окончательно формируется архитектурный облик Нахичевани-на-Дону.

Отмена образцовых проектов и эклектика с ее свободой в выборе архитектурных форм открывали для нахичеванцев новые возможности. Однако переселенцам хватило непродолжительного времени для приобщения к русскому архитектурному процессу. К концу XIX в. в Нахичевани преобладающими становятся постройки в формах эклектики и отчасти модерна с характерной для них планировкой и с учетом функции. На центральных улицах возводятся доходные дома с типичной для того периода объемно-пространственной структурой [Иванова-Ильичева, 2000].

Во второй половине XIX в. большинство проектов для светских зданий различного назначения создавалось столичными архитекторами или местными, но получившими столичное образование. Архитектурный облик Нахичевани – результат творчества многих талантливых архитекторов: А. Тер-Акопяна, А. Закиева, Н. Дурбаха, В. Газирбекьяна (Газирбекова) и др. Вместе с тем их проекты отразили запросы заказчиков – нахичеванцев, формировавшиеся, в том числе, под влиянием культурного кода столичных армян. Столичная армянская община образовалась еще до основания армянской колонии Дона, и ее представители, занимавшие высокое положение в российском социуме, часто выступали в роли покровителей для нахичеванцев. Стремление не отставать от них во многом определило ускоренное вхождение донских армян в поле русской культуры.

Во второй половине XIX в. при Городской управе был организован архитектурно-строительный отдел, должность городского архитектора занимали выпускники Института гражданских инженеров, назначаемые Техническим строительным комитетом МВД [Халпахчян, с. 153]. С 1880-х гг. должность архитектора становится выборной и после поисков архитектора, который бы устраивал городские власти, им стал Н. Н. Дурбах. Он занимал этот пост с 1889 по 1913 г. – период окончательного формирования архитектурного облика Нахичевани.

Николай Никитич – выходец из Нахичевани-на-Дону, окончивший в 1876 г. Санкт-Петербургскую Императорскую Академию художеств. Столичная архитектурная школа оказала влияние на все его творчество, и его представления об идейно-архитектурном решении городского пространства совпадали с представлениями городских властей. Он внес решающий вклад в формирование специфики городского архитектурного текста, транслирующего идею о новом центре армян России, оспаривавшем это лидерство у других армянских поселений России, но, прежде всего, у столичной армянской общины. Знаки данного

текста выстраивались постепенно, по мере развития городской среды, причем первые из них появились даже не по воле самих нахичеванцев, а являлись плодом архитектурно-градостроительной политики Российской империи. Но они-то и стали, очевидно, фундаментом, в полной мере позволившим армянам воплотить свои идеи посредством языка архитектуры. Наиболее яркими знаками, появившимися в разное время, следует признать: заложенную изначально планировку города, отсылающую к планировке Васильевского острова, название улиц линиями, сооружение Александровской колонны и, конечно, здания, возведенные по проектам архитектора Дурбаха.

К сожалению, в настоящем исследовании нет возможности осветить все проекты архитектора, мы остановимся только на некоторых, необходимых для решения обозначенной проблемы. Подробнее с творчеством Дурбаха можно познакомиться в других работах [см., например: Иванова-Ильичева, 2010]. Здесь же отметим, что постройки Н. Н. Дурбаха, как правило, тяготеют к академическому направлению эклектики, он отдает предпочтение формам классицизма. Излюбленными приемами архитектора были трехчастное или пятичастное вертикальное деление фасадов, осевая композиция, использование прямоугольных профилей и тяг.

Пожалуй, одним из самых значительных дел Дурбаха на должности архитектора Нахичевани стало проектирование ансамбля Бульварной площади города. Здесь в 1890-е гг. по его проектам возводятся здания образовательных учреждений, закрепляющие западный и восточный углы северной стороны площади, а затем между ними — здание городского театра. Архитектурная специфика Петербурга чувствуется во всем ансамбле площади.

Здания образовательных учреждений имели схожие вертикальные членения главных фасадов и небольшие купола. Архитектурно-художественное решение этих учебных заведений выполнено под влиянием архитектуры здания Академии художеств, которую закончил Дурбах. Особенно явно это влияние читается в архитектуре училища, возведенного на углу площадей Бульварной и Л. Толстого. Пластику главных фасадов обоих зданий определяет наличие трех ризалитов и выделение центрального портика с фронтоном, увенчанного куполом, использование рустовки в оформлении нижнего яруса.

Доминантой Бульварной площади стало двухэтажное здание городского театра (1899), возведенное в соответствии с господствовавшими в то время в театральной архитектуре принципами эклектики и архитектурными образами театров. Центром объемной композиции театра стал трехъярусный зрительный зал, вокруг которого располагались вспомогательные помещения и фойе с примыкающими вестибюлем и лестницами.

Пластику главного фасада здания театра определяли изогнутая конфигурация, центральный ризалит с фронтоном, поддерживаемым колоннами и пилонами с коринфскими капителями. В архитектурно-художественном решении фасада использованы приемы и элементы архитектуры ренессанса, барокко и классицизма. Нижний ярус выделен рустом, к которому архитектор достаточно

часто обращался в своих работах. Верхний ярус фасада богато декорирован колоннами коринфского ордера, гирляндами, масками, балюстрадой. Полуциркульные окна украшены большим замковым камнем — еще один излюбленный прием архитектора.

Вероятно, стремление воплотить идеи государственности, в отсутствие самой государственности привели нахичеванских армян к заимствованию русской «идеи Санкт-Петербурга», понятого ими как город административный, столичный. С другой стороны, в архитектуре Нахичевани-на-Дону отразилось и желание армян сохранять и транслировать свои этнические ценности. Фиксировались эти духовные устремления исключительно в материи церковной архитектуры через обращение к узнаваемым формам «армянского стиля». Так, в ходе ремонта приходской церкви св. Николая ее архитектура претерпела стилистические изменения. По образцу закавказских церквей перестроены купол и колокольня церкви. Однако самым значительным явлением последней четверти XIX в. в архитектуре Нахичевани-на-Дону стало строительство церкви св. Карапета (1875–1881) на территории городского кладбища, архитектором которой, предположительно, был В. Газырбеков [Халпахчян, с. 90; Казарян, с. 167].

Объемно и художественно церковь св. Карапета решена в стилистике средневекового зодчества стран Закавказья. По мнению А. Ю. Казаряна, в ее архитектуре соединены черты культового зодчества разных периодов Средневековья, принадлежащих не только армянской, но и грузинской традициям, что объясняется выборочным использованием при проектировании здания обмерных чертежей профессора Императорской Академии художеств Д. И. Гримма, изданных в его альбоме «Памятники христианской архитектуры в Грузии и Армении» [Казарян, с. 179–187]. Очевидно, что большинство нахичеванцев не знали о таком смешении, и церковь св. Карапета воспринималась ими как материальное воплощение их национальной идеи.

Попытку воплощения такой идеи исключительно в культовом зодчестве нельзя считать случайной. Как отмечалось выше, на протяжении многовекового отсутствия государственности именно Армянская апостольская церковь служила звеном, объединявшим армян и способствовавшим сохранению их национальной идентичности. Кроме того, во второй половине XIX в. обращение к формам зодчества минувших эпох определило одно из направлений поисков европейских и русских архитекторов. Поэтому строительство церкви в «армянском стиле» стало своеобразным ответом нахичеванцев русской архитектуре в целом, обратившейся в это время к русскому стилю, и маркером этнической специфики армянского города, транслятором их национальной идеи.

Таким образом, архитектура Нахичевани-на-Дону, осмысленная в культурно-историческом контексте, свидетельствует о наличии двух составляющих коллективного сознания донских армян, неразрывно связанных с общеармянскими мировоззренческими установками XIX в. и семиотическим полем русской культуры. С одной стороны, она демонстрирует интеграцию нахичеванцев

в русское культурное пространство, а с другой стороны, отражает формирование армянской национальной идеи, стремление к национальной консолидации.

Источники

1895 год в жизни Нахичевани // Приазовский край. 1895. № 1. С. 2.

Шахазиз Э. Новый Нахичевань и новонахичеванцы. Ростов н/Д : Книга, 2005.

Исследования

Архитектура в истории русской культуры. Вып. 7 : Санкт-Петербург и архитектура России / отв. ред. И. А. Бондаренко. М. : КомКнига, 2007.

Греков А. М. Среди донских обывателей. Ростов н/Д : Типо-лит. И. А. Тер-Абрамиан, 1984.

Иванова-Ильичева А. М. Рационалистические тенденции в архитектуре городов Нижнего Дона и Приазовья второй половины XIX — начала XX вв.: на примере Таганрога, Ростова-на-Дону и Нахичевани-на-Дону, Новочеркаска : дис. ... канд. архитектуры. М., 2000.

Иванова-Ильичева А. М. Произведения городского архитектора Нахичевани-на-Дону Н. Н. Дурбаха // Армения — Россия: диалог в пространстве художественной культуры : материалы Междунар. симп. / отв. ред. А. Ю. Казарян. М. : Гос. ин-т искусствознания, 2010. С. 16.

Казарян А. Ю. Альбом Д. И. Гримма (1864, 1866 гг.) и архитектурный проект церкви Сурб Карапет в Нахичевани-на-Дону // Архитектурное наследство: Памяти О. Х. Халпахчьяна / отв. ред. А. Ю. Казарян. М. : Рос. акад. архитектуры и строительных наук, Науч.-исслед. ин-т теории и истории архитектуры и градостроительства, 2011. С. 165–191.

Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 664 : Семиотика города и городской культуры. Петербург / под ред. Ю. М. Лотмана. Тарту : Тартуский гос. ун-т, 1984. (Труды по знаковым системам; XVIII). С. 30–46.

Малхасян А. Г. Страницы истории анийских, крымских и донских армян. 2-е изд. Ростов н/Д : Первая типография АРО, 2010.

Мелик-Шахназарян Л. Характер армянского народа. Ереван : Тираст, 1999.

Нигохосов М. Г. Предпринимательская деятельность донских армян на Юге России : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2007.

Пощешковская И. В. Архитектурно-градостроительное развитие городов Нижнего Дона во второй половине XVIII — первой половине XIX веков : дис. ... канд. архитектуры. М., 2005.

Сватиков С. Г. Ростов-на-Дону и Приазовский край в описаниях путешественников XVIII и первой половины XIX вв. Б. м., 1912.

Смирнов В. В. Нахичевань-на-Дону. Этюды старой истории: время и люди. Ростов н/Д : Книга, 2010.

Топоров В. Н. Петербург и Петербургский текст русской литературы // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 664 : Семиотика города и городской культуры. Петербург / отв. ред. Ю. М. Лотман. Тарту : Тартуский гос. ун-т, 1984. (Труды по знаковым системам; XVIII). С. 4–30.

Халпахчьян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону. Ереван : Айастан, 1988.

References

Bondarenko, I. A. (Ed.). (2007). *Arkhitectura v istorii russkoi kul'tury* [Architecture in the History of Russian Culture] (Iss. 7: *Sankt-Peterburg i arkhitectura Rossii* [St Petersburg and Russian Architecture]). Moscow: KomKniga. (In Russian)

Grekov, A. M. (1984). *Sredi donsikh obyvatelei* [Among the Don Inhabitants]. Rostov-on-Don: Tipo-lit. I. A. Ter-Abramian. (In Russian)

Ivanova-Ilyicheva, A. M. (2000). *Ratsionalisticheskie tendentsii v arkhitektуре gorodov Nizhnego Dona i Priazov'ia vtoroi poloviny XIX — nachala XX vv.: na primere Taganroga, Rostova-na-Donu i Nakhichevani-na-Donu, Novocherkasska* [Rationalistic Tendencies in the Architecture of the Cities of the Lower Don and the Azov Sea in the Second Half of the XIX — Beginning of the XX cc.: on the Example of Taganrog, Rostov-on-Don and Nakhichevan-on-Don, Novocherkassk].

of the Lower Don and Cis-Azov Region in the Second Half of 19th – Early 20th Centuries: Evidence from Taganrog, Rostov-on-Don and Nakhichevan-on-Don, Novocherkassk] (doctoral dissertation). Moscow. (In Russian)

Ivanova-Ilyicheva, A. M. (2010). Proizvedeniia gorodskogo arkhitekтора Nakhichevani-na-Donu N. N. Durbakha [Works of Nakhichevan-on-Don's City Architect N. N. Durbach]. In A. Y. Kazaryan (Ed.), *Armeniia – Rossiia: dialog v prostranstve khudozhestvennoi kul'tury. Materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma* [Armenia – Russia: Dialogue in the Space of Artistic Culture. Materials of an International Symposium] (p. 16). Moscow: Gosudarstvennyi institut iskusstvoznaniia. (In Russian)

Kazaryan, A. Y. (2011). Al'bom D. I. Grimma (1864, 1866 gg.) i arkhitekturnyi proekt tserkvi Surb Karapet v Nakhichevani-na-Donu [Album by D. I. Grimm (1864, 1866) and the Architectural Design of St Karapet's Church in Nakhichevan-on-Don]. In A. Y. Kazaryan (Ed.), *Arkhitelturnoe nasledstvo: Pamiati O. Kh. Khalpakhchiana* [Architectural Heritage: In Memory of O. Kh. Khalpakhchian] (pp. 165–191). Moscow: Russian Academy of Architecture and Building Sciences, Research Institute of Theory and History of Architecture and City Building. (In Russian)

Khalpakhchian, O. Kh. (1988). *Arkhitelturna Nakhichevani-na-Donu* [The Architecture of Nakhichevan-on-Don]. Yerevan: Aiastan. (In Russian)

Lotman, Yu. M. (1984). Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda [The Symbolism of St Petersburg and Issues of City Semiotics]. In Yu. M. Lotman (Ed.), *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta, 664: Semiotika goroda i gorodskoi kul'tury. Peterburg. Trudy po znakovym sistemam, XVIII* [Proceedings of Tartu State University. Iss. 664: The Semiotics of the City and Urban Culture. Petersburg. Works on Semiotic Systems, XVIII] (pp. 30–46). Tartu: Tartu State University. (In Russian)

Malkhasian, A. G. (2010). *Stranitsy istorii aniiskikh, krymskikh i donsikh armian* [Pages of the History of the Ani, Crimean, and Don Armenians]. Rostov-on-Don: Pervaiia tipografia ARO. (In Russian)

Melik-Shakhnazarian, L. (1999). *Kharakter armianskogo naroda* [The Character of the Armenians]. Yerevan: Tirast. (In Russian)

Nigokhosov, M. G. (2007). *Predprinimatel'skaia deiatel'nost' donsikh armian na Iuge Rossii* [The Business Activity of the Don Armenians in the South of Russia] (doctoral dissertation abstract). Southern Federal University, Rostov-on-Don. (In Russian)

Poshcheshkovskaya, I. V. (2005). *Arkhitelturno-gradostroitel'noe razvitie gorodov Nizhnego Dona vo vtoroi polovine XVIII – pervoi polovine XIX vekov* [The Architectural and Urban Development of the Cities of the Lower Don in the Second Half of the 18th – First Half of the 19th Centuries] (doctoral dissertation). Moscow. (In Russian)

Smirnov, V. V. (2010). *Nakhichevan'-na-Donu. Etiudy staroi istorii: vremia i liudi* [Nakhichevan-on-Don. Essays of Old History: Time and People]. Rostov-on-Don: Kniga. (In Russian)

Svatikov, S. G. (1912). *Rostov-na-Donu i Priazovskii krai v opisaniiaakh puteshestvennikov XVIII i pervoi poloviny XIX vv.* [Rostov-on-Don and Cis-Azov Region in the Descriptions of Travellers of the 18th and First Half of the 19th Centuries]. [S. l.]. (In Russian)

Toporov, V. N. (1984). *Peterburg i Peterburgskii tekst russkoi literatury* [Petersburg and the Petersburg Text of Russian Literature]. In Yu. M. Lotman, *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. 664: Semiotika goroda i gorodskoi kul'tury. Peterburg. Trudy po znakovym sistemam, XVIII* [Proceedings of Tartu State University. Iss. 664: The Semiotics of the City and Urban Culture. Petersburg. Works on Semiotic Systems, XVIII] (pp. 4–30). Tartu: Tartu State University. (In Russian)

Баева Ольга Владимировна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства
111024, Москва, ул. Душинская, 9
E-mail: olabaeva@mail.ru

Иванова-Ильичева Анна Михайловна

кандидат архитектуры, заведующая кафедрой истории архитектуры, искусств и архитектурной реставрации
Академия архитектуры и искусств
Южный федеральный университет
344000, Ростов-на-Дону,
ул. Большая Садовая, 105/42
E-mail: ami0202@yandex.ru

Baeva, Olga Vladimirovna

PhD (History), Senior Researcher
Research Institute of the Theory and History of Architecture and Town Planning, Branch of the "CNIIP of the Ministry of Construction of Russia"
9, Dushinsky Str., 111024 Moscow, Russia
Email: olabaeva@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7770-2364

Ivanova-Ilyicheva, Anna Mikhailovna

PhD (Architecture), Head of the Department of History of Architecture, Arts and Architectural Restoration
Academy of Architecture and Arts
Southern Federal University
105/42 Bolshaya Sadovaya Str.,
344000 Rostov-on-Don, Russia
Email: ami0202@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4590-8237
Researcher ID: D-1505-2018